

Страшный рассказ

Въ голомъ, обезображенномъ зимней смертью паркѣ, чернѣвшемъ передъ домомъ, была темнота и пустынность мартовской ночи, и на старый, сѣрый снѣгъ поросиль молодой, бѣлый, нѣжный, какъ лебяжій пухъ.

Они, — извѣстно только то, что ихъ было двое, — они сидѣли въ паркѣ съ вечера, выжидали самого глухого часа.

И домъ зорко глядѣлъ въ темный паркъ множествомъ освѣщенныхъ оконъ: она, эта старая француженка въ каштановомъ парикѣ и съ рачьими глазами, за отъѣздомъ хозяевъ въ городъ жившая въ домѣ совсѣмъ одна, чувствовала зловѣщее присутствіе тѣхъ, что стерегли ее: она освѣтила всѣ комнаты, — а ихъ было много и всѣ онѣ были большія, — она рѣшила не спать всю ночь и все ходила изъ комнаты въ комнату, по всему пустому и блистающему лампами и канделябрами дому.

Страннѣе всего то, что вмѣсто того, чтобы пойти въ подвальный этажъ, гдѣ спали горничная и прачка, или въ людскую, гдѣ почевала дворня, вмѣсто того, чтобы позвать кого-нибудь къ себѣ, она уже твердо зная свою обреченность, только ходила изъ комнаты въ комнату и даже вздумала писать записочки.

Она писала:

— Двѣнадцать съ четвертью. Все хожу и хожу! Чувствую, что я погибла. Въ саду кто-то есть. Я даже знаю, что ихъ двое...

— Только что пробило часъ — внизу, на большихъ часахъ въ вестибюль. Пробило страшно и торжественно... Одинъ изъ нихъ — маленькій, съ кривыми, какъ у таксы, ногами. Но я не буду спать всю ночь, я буду защищаться...

Она играла на рояли какъ-уокъ, — много разъ принималась играть, играла бурно, съ отчаяннымъ весельемъ, и все обрывала:

— Какъ сумасшедшая, играю какъ-уокъ, писала она. Ужасъ мой доходитъ до экстаза, — ни разу не могу доиграть...

Потомъ она перебирала книги въ шкапу въ кабинетѣ, смотрѣла и бросала ихъ на полъ, оставила всѣ двери открытыми. Она выбирала что-нибудь почитать и взяла, наконецъ, томъ географіи Реклю.

На хозяйскомъ письменномъ столѣ она оставила еще одну записку:

— Боже мой! Но почему-же должна быть этой жертвой я? Я буду защищаться, живой я не сдамся!

Съ Реклю въ рукахъ она прилегла на кабинетный сафьяновый диванъ и, развернувъ книгу, почитавъ нѣкоторое время и даже сдѣлавъ карандашемъ нѣсколько отмѣтокъ, внезапно, — разумѣется внезапно, — заснула.

На этомъ же диванѣ и нашли ее утромъ, — съ перерѣзаннымъ горломъ, безъ парика, съ голымъ черепомъ, съ дикими, рачьими глазами, стоячими, изумленными.

Стекла въ двойныхъ гостинныхъ дверяхъ, выходившихъ въ садъ, на балконъ, были выдавлены, вынуты. Вѣтеръ дулъ въ гостиную, несъ изъ бѣлесаго парка холодный паръ, туманъ. И весь домъ пылалъ огнями, желтѣвшими въ блѣдномъ свѣтѣ сырого и бѣлаго, мглистаго дня.

Кто зарѣзалъ? И зачѣмъ?

Зарѣзали они, тѣ двое, что сидѣли въ саду. А зачѣмъ — непостижимо: они не унесли, не тронули ни единой вещички.

Въ самомъ дѣлѣ, ихъ было двое. Это доказывали мокрые, грязные слѣды, оставленные ими на паркетѣ. И слѣды одного были не совсѣмъ обычны, широко разставлены другъ отъ друга, кривы... Несомнѣнно, онъ былъ криволапъ.

Ихъ было двое. Но кто были они? Неизвѣстно. Ихъ не нашли, не поймали.

И долго, долго казалось мнѣ, что страшнѣе этого рассказа я никогда не слышалъ, что и не можетъ быть ничего страшнѣе его. Сколько лѣтъ я его знаю и помню?

Все таки самое страшное на землѣ — человекъ, его душа.

И особенно та, что, совершивъ свое страшное дѣло, утоливъ свою дьявольскую похоть, остается навсегда невѣдомой, не пойманной, не разгаданной.

Гдѣ они теперь, эти двое? А вѣдь очень можетъ быть, что они и до сихъ поръ живы, гдѣ-то что-то дѣлаютъ, ходятъ, ѣдятъ, пьютъ, разговариваютъ, смѣются и курятъ...

Мозгъ міра

Когда впервые собралась «комиссія умственного сотрудничества» при Лигѣ Націй — это было 1-го августа 1922 года, — у нея не было строго очерченной программы. Перелистывая протоколы этой первой сессіи, видишь, что лишь постепенно кристаллизовался въ умахъ участниковъ планъ будущихъ работъ. На первыхъ порахъ со всѣхъ сторонъ сыпались предложенія самыя разнообразныя, почта являя скороспѣлыя, иногда противорѣчивыя: предлагалось учредить «университетъ народовъ» или «сверхъ національный университетъ», основать «Домъ Человѣчества» для «созданія и распространенія интернаціональной литературы» и т. п. Были предложенія практическаго характера, но и самыя фантастическія порождены были сознаниемъ, что комиссія призвана свершить очень важное дѣло, не имѣющее прецедентовъ въ исторіи. Именно это сознание грандіозности задачи и огромной отвѣтственности помогло двѣнадцати членамъ комиссіи нащупать тотъ путь, который надлежало избрать, чтобы достигнуть цѣли, намѣченной Лигой Націй при созывѣ комиссіи. Во главѣ этихъ двѣнадцати стоялъ поставленный по заслугамъ на это мѣсто величайшій изъ современныхъ философовъ Анри Бергсонъ. Подъ его руководствомъ комиссія выработала обширную программу ближайшихъ мѣропріятій, и, закрывая сессію, Бергсонъ имѣлъ право констатировать, что «въ результатъ совѣщаній, цѣль работъ точно опредѣлилась, выяснулся рядъ вопросовъ, подлежащихъ изученію, и установлены вполне опредѣленные методы ихъ разрѣшенія».

Съ тѣхъ поръ прошло два съ половиной года — и въ Парижѣ открывается, на средства французскаго правительства, «Международный институтъ умственного сотрудничества», постоянный органъ комиссіи, имѣющей уже и вполне конкретныя заданія. Англичане окрестили его «расчетной палатой знанія», по примѣру тѣхъ центральныхъ финансовыхъ учреждений, въ которыхъ подводятся итоги всѣхъ операций, осуществляемыхъ отдѣльными учреждениями этого рода. Другіе называютъ его «мозгомъ міра», потому что онъ долженъ явиться какъ бы центромъ огромной нервной системы, охватывающей умственную жизнь всего земного шара. Институту суждено послужить тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго Лига Націй будетъ осуществлять какъ намѣченныя уже ею, такъ и могущія стать на очередь въ будущемъ задачи по осуществленію активной взаимопомощи между умственными работниками въ отдѣльныхъ странахъ.

Задачъ этихъ очень много.

Еще до войны неоднократно дѣлались

Ив. Бунинъ.